

КИРОВ. «Нет ни одной счастливой семьи»

В «Театре на Спасской» Егор Чернышов поставил спектакль «Каренинъ» по пьесе Василия Сигарева. Здесь уже не просто «все несчастные семьи несчастливы по-своему»; здесь счастливых, кажется, и вовсе нет.

Егор Чернышов постоянно работает с современной драматургией, как зарубежной, так и российской, а «Театр на Спасской» уже зарекомендовал себя как место театрального эксперимента. Сотрудничество театра с режиссером дало интересный и яркий результат. «Каренинъ» – спектакль, где психологическое наполнение жизни персонажей соответствует точности и четкости визуальных форм.

Прямо перед зрителем, на подступах к авансцене стоят попиртры и детские манекены в матросках. Дальше на сцене – вновь манекены, мужские и женские, с ног до головы белые, в изящно воссозданных исторических костюмах, в то время

как все герои будут в черном (художник по костюмам Катерина Андреева). И на заднем плане три светящихся мобильных экрана. Лаконичность и монохромность сценографии Николая Слободяника оттеняют яркость характеров, – прежде всего Каренина, имя которого вынесено в заглавие пьесы и спектакля.

«Каренина», как и «Гамлета», нужно ставить на актера. И в Кирове такой артист нашелся. Андрей Матюшин ради этой роли вернулся из Областного театра драмы в «Театр на Спасской», где начинал свой творческий путь. Его отличает редкая актерская индивидуальность – где-то на стыке демонического обаяния Джека Николсона и интеллигентной харизмы Юрия Яковлева. Суховатый, экономный в движениях человек в черном, временами почти Чаплин, Каренин за два часа сценического присутствия проходит зримый путь от сухаря, перекладывающего бумажки и неспособного к диалогу,

Сцена из спектакля

Анна Каренина – М. Бондаренко

Алексей Каренин – А. Матюшин

«Каренин». Сцена из спектакля

до тонко чувствующей личности, умеющей страдать и, более того, прощать. Герой вызывает искреннее сочувствие – кажется, роман Толстого уже нельзя читать как раньше.

Способствует переосмыслению романа и выбор актеров на роли Анны и Вронского. **Мария Бондаренко**, с ее огненной гривой волос, играет женщину чувственную, но далеко не аристократку, а Вронский у **Александра Трясцина** – и вовсе только красивый образец сильного мужчины (намек на психологический объем образа прорывается лишь в сцене бесконечного хождения Вронского в треугольнике экранов).

Главный конфликт пьесы, оттененный выбором артистов, – конфликт социального и естественного. Для Каренина становится мучительным и неожиданным открытие, что никакие социальные доспехи (статус или ордена) не способны защитить его от проигрыша в кровожадной схватке с молодостью. Отражением этого же конфликта становится драма Лидии Ивановны, влюбленной в Каренина: **Марина Наумова** играет ее как смешную ханжу, скованную трафаретными рамками «должного», однако в финальном объяснении она горько признает свое поражение от недостойной соперницы, Анны, – которую этот мужчина почему-то все еще любит.

Беззащитность героя перед стихиями жизни усиливается в контакте с иррациональным: реплики адвоката о скорой смерти Анны, видения провидца Ландо (**Константин Бояринцев**) то ли видятся Каренину, то ли

приоткрывают ему часть той правды, которую невозможно постигнуть разумом.

Режиссер опускает первую сцену пьесы (рождение Сережи) и добавляет перед каждым актом справки о романе Толстого. Это несколько остраивает материал, помогая избежать опасности мелодраматического решения – как и фронтальная работа актеров, говорящих свои реплики в зал. Диалоги развернуты на зрителя, исповедальны; да по большому счету, настоящие диалоги, где персонажи слышат друг друга, начинают звучать ближе к финалу спектакля, когда маски сброшены и взлетают в воздух с попитров бумажные «роли».

Каренин в спектакле не один. Есть еще и Сережа Каренин: его реплики читает **Марина Карпичева**, заявленная в программке как рассказчик, сидящая на авансцене. Простодушие этих реплик, как и вынесение Сережи за рамки сценического действия (образ его раздваивается между детскими манекенами и голосом замечательной актрисы), придает ему черты стороннего наблюдателя, задающего главные, неразрешимые вопросы: «А чего ж ты на ней женился – на такой сильной?»; «А почему тогда мама умерла? Она разве хуже Еноха?». Наивные детские вопросы направлены в конечном итоге к мирозданию, они вопрошают о разумности бытия и оправдании творения. И именно с образом Сережи, как и маленькой новой Анны, связана надежда, звучащая в открытом финале.

Вера СЕРДЕЧНАЯ